

Штайн Оксана Александровна
кандидат философских наук, доцент
г.Санкт-Петербург

Русская христианская гуманитарная академия

Ризома как топос новой коммуникативной реальности¹

Аннотация: Теории социальной коммуникации могут делиться в зависимости от критерия. Критерий «кода» делит её на вербальную и невербальную. Критерий «сообщения» на механистическую и деятельностную. В статье предлагается новый критерий – субъект, который позволяет рассматривать коммуникацию как корневую и ризоматическую системы.

The summary: Theories of the social communications can depending on the set criterion. The criterion of "code" divides it on verbal and nonverbal. Criterion of "message" divides it on mechanistic and activity. In article I show the new criterion – the subject. It divides theories of the social communications it on root and rizoma systems.

Анотація: Теорії соціальної комунікації можуть ділитися залежно від заданого критерію. Критерій «коди» ділить її на вербальну і невербальну. Критерій «повідомлення» на механістичну і діяльностную. У статті пропонується новий критерій – суб'єкт, який дозволяє розглядати комунікацію як кореневу і ризоматичеськую системи.

Коммуникация как «символически опосредованная интеракция»² предполагает ситуацию со-общения, со-нахождения, со-присутствия. Коммуникативное действие является результатом личного взаимопонимания и аспектом социальной интеграции, передачи и обновления культурных знаний. Коммуникативное поведение выражает себя в речевых высказываниях и выразительных манифестациях.

С семиотической точки зрения коммуникационный процесс затрагивает следующие пункты (модель Р. Якобсона³):

Сообщение (контекст)

Адресант-----Адресат

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 13-03-00279а «Медиаальный образ традиционных конфессий в современной России»

² Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.

³ Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1988. С.112.

Код (контакт)

Передачи сообщений от одной стороны к другой через определенные знаки, наделенные смысловыми значениями, кодируются отправителем (кто? Адресант), декодируются получателем (кому? Адресату) с помощью определенных кодов (как? По какому каналу? С помощью какого языка?)

Задача участника коммуникации в этой схеме сводится к донесению до адресата сообщения квалифицированным образом: он должен понять сообщения, переданные на вербальном и невербальном уровнях.

Если брать в теории коммуникации в качестве ключевого «код», то её можно делить на вербальную и невербальную. Понять сообщения значит декодировать, расшифровать в общепринятой системе знаков. Знаки как назначенные сообществом условные смыслы, обладают планом выражения и планом содержания. Наряду с языком слов Ю.В. Рождественский⁴ называет системы счета, обрядов, игр, прикладных искусств (архитектура, костюм), неприкладных искусств (изображение, танец, музыка), управления (команды), прогностики (гадание, приметы).

Ю.М. Лотман⁵ называет вербальный язык «конвенциональной» системой кодирования, а невербальный (ритуал, поведение, сцена, изображения) «иконической» системой кодирования. Конвенциональная система характеризуется как дискретная, делящаяся на сегменты, имеющая коды многомерной иерархии, в соответствии с которыми выстраиваются сообщения. Значения текста производно от значения знаков. Иерархическая структура вербального языка проявляется в возможности распада смыслового поля языка на отдельные замкнутые в себе пространства.

Иконическая (невербальная) система кодирования характеризуется как недискретная, континуальная. Полученное сообщение является носителем основного значения. Смысл сообщения не организуется в линейной или временной последовательности, он организуется в

⁴ Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение. М.: Добросвет, 2000. С.18.

⁵ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1999. С.221.

пространстве, неповторимо, индивидуально, в некоторых случаях стихийно, поэтому выделение знаков такого сообщения затруднительно и если производится, то носит искусственный характер.

Методы анализа коммуникации мы дополним через ключевое слово «адресат» и «адресант», то есть обратим внимание прежде всего на участников, - субъектов коммуникации.

Что происходит в современном обществе? Интенсивный поиск информации, стирание границ национальных и этнических традиций приводит к появлению универсального языка коммуникации.

Характеризуя современную ситуацию, можно говорить о процессах распада единого «Я» на множественность. У Ж. Делёза есть понятие «Себя» (soi), употребляющееся во множественном числе. Современный человек является включенным во множественные дискурсивные поля, и каждое из них предполагает применение характерных знаковых средств.

Отказ от модернистских ценностей Нового времени – это отказ от декартовского Я и установление постсовременной полисубъективности. Ситуация перехода от одной культуры к другой, от одного типа общественного развития к другому, от одной научной парадигмы к другой – ситуация поиска нового образа мира, новой социальной реальности, новой идентичности в процессе коммуникации.

Современное общество лишается связующих его в прошлом психологических и социальных связей, порождая шоковую ситуацию. П. Слотердаик пишет: «Спустя полтысячелетия после четырех плаваний Колумба пройденная вокруг, полностью открытая, досконально изображенная, покоренная и эксплуатируемая Земля предстает в качестве тела, опутанного плотной сетью транспортных путей и телекоммуникативных связей»⁶. Образ сети, сетки, паутины сопровождается отказом от диалектики целого и части, уходом от бинаризма.

⁶ Слотердаик П. Сферы. СПб.: Наука. 2007. С.876.

Представленный структуралистами мир и культура оппозиционно рассматривались через субъект/объект, истину/ложь, глубинное/поверхностное, центр/периферию. Если для описания культуры Нового времени структуралистский подход был актуален, то современную социальную реальность нельзя уложить в жестко структурированные рамки оппозиций. Выйти из ограничений дуализма оказывается возможным благодаря метафорическому началу.

Размывание и исчезновение центра в личностном ядре констатируют Ж.Делез и Ф.Гваттари через понятие «ризомы», обозначающее разнонаправленное разветвление корней, превращение их в сеть, не имеющей одного стержня. Это понятие, обращенное на сферу исторических явлений, придает особенный оттенок восприятию социального пространства, в рамках которого господствует «чистый поток становления»,⁷ лишенный единого направления. Впервые категория «ризомы» от фр. rhizome – корневище, была использована Ж. Делезом и Ф. Гваттари в одноименной книге 1976 года. Ризома противостоит неизменным линейным структурам бытия, мышления и социальной коммуникации, типичным для классической европейской культуры. Согласно Делезу и Гваттари, у ризомы нельзя выделить начало, конец, центр, центрирующий принцип, единый код. У ризомы есть определяющие характеристики: множественность и картография, что дает нам право говорить о ризоме не просто как о метафоре, а о топосе.

Фрагментарный способ существования социальной реальности устойчиво коррелирует с «децентрированной» природой человеческого индивида, субъекта. Разрушение декартовского Cogito, ставшего незыблемым основанием единства субъекта, доведение принципа сомнения до его предела, приводят к представлению о человеке как о зыбком,

⁷ Вдовина Г.В. Проблемы власти, революции, истории во французской философии 70-80-х годов.//Новые тенденции в западной социальной философии. М. 1998. С. 118.

рассеянном, не поддающемся идентификации существе. Единство «Я» распадается, на его месте – множественность ролей и текстов.

Размытая, рассеянная, растворившаяся, исчезающая человеческая личность, по словам Ж. Делеза, есть «складка на бытии». «Эра пустоты» Липовецки раскрывается через образ Нарцисса - потерянного «Я», «пустого зеркала», «вопроса без ответа», «открытой и неопределенной структуры». Нарцисс становится атрибутом разорванного и разомкнутого сознания, лишённого единого начала и центра. Нарцисс – это «Я, которое превратилось в безумное множество». Образы современного человека звучат подобно сломанным поэтическим метафорам. Надломленный стебель, эхо без отзвука, голос без связок, плач без возгласов, нереклексивный стон по утраченному. Как писали французские сюрреалисты Андре Бретон и Филипп Супо: «День, цвет которого мы не вспомним»⁸. Мы – отражение капель воды, зеркало без зеркала. А где сама вода?

Ж.Деррида гласит Ж.Делезу и вводит в научный оборот термин различие. Во Франции «differ», - «отличаться от» и «defer», - «соглашаться» произносятся одинаково. Таким образом, термин «различие» предполагает различие и согласование, единичность и множественность.

Гегелевский принцип тождества сменяется принципом различия. Мы «констатируем» «смерть Бога», «смерть автора» и, наконец, «смерть субъекта», каким он был представлен в классической рациональной философии. Вместо понятия «субъект» мы слышим «субъективность», как у Ф. Гваттари. Она как дискурс и текст многослойна, множественна, полифонична и не может быть ограничена рамками декартовского Cogito, выступающего как ratio, как центр, связующее и подчиняющее начало.

⁸ Бретон А., Супо Ф. Магнитные поля. // Антология французского сюрреализма. М.: ГИТИС, 1994. С.12.

Постоянная множественность вынуждает нас уклоняться от единого, корневого мировоззрения и принципов. Отец Павел Флоренский в XX веке писал: «Мои философские убеждения вышли...из характера привычного мне пейзажа. Эти напластования горных пород, слои почвы, постепенно меняющиеся принизанными корнями...я узнал о них не из геологических атласов, а из разрезов и обнажений в природе. Я привык видеть корни вещей... Эта привычка зрения потом прорастила мое мышление и определила характер его – стремление двигаться по вертикали и малую заинтересованность в горизонтали»⁹.

Этот пример объясняет возможность говорить об окружающем ландшафте как о топосе мировоззрения. В истории философии такие примеры встречаются. Так, молодой Ф.Энгельс писал: «На долю Эллады выпало счастье видеть, как характер ее ландшафта осознан в религии ее обитателей. Все ее ландшафты охвачены...рамками гармонии...каждая отдельная часть природы претендует в своей прекрасной завершенности на собственного бога, каждая река требует своих нимф, каждая роща – своих дриад; так создавалась религия эллинов»¹⁰. В свою очередь, пейзаж долины Рейна представляется Ф. Энгельсу воплощенным христианством, потому что здесь небо, склоняясь к земле, глядится в зелень полей и виноградников, и дух погружается в материю. А вот северогерманская равнина – унылая, с бедной растительностью, являет собой воплощенное иудейское мировоззрение. Зато в Голландии пейзаж ничуть не одухотворен, а потому предрасполагает к кальвинизму – вере, сопряженной с расчетом.

На этом примеры не заканчиваются. Современный исследователь, переводчик Ф. Ницше, П. Слотердайк А.В. Перцев в своей новой работе «Молодой Ясперс»¹¹ говорит о том, что «экзистенциализм возникает от

⁹ Флоренский Павел, священник. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание. М., 1992. С.99.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-изд. Т.41. С. 74.

¹¹ Перцев А.В. Молодой Ясперс. СПб: РХГА, 2012.

созерцания болот в молодости»¹². Болотистая равнина, над которой поднимаются только немногие невысокие холмы, оставляет открытой всю широту горизонта.

Так получается, что урбанизированное современное поколение месяцами не видит ни болот, ни равнин, ни виноградников, облитых солнцем, но дух вечно погружается в материю. В какой материи обитает дух современной коммуникации? Чаще всего в сетях Интернет и экранах телефонов. Создаются новые бескрайние ландшафты в игровом и Интернет пространстве, создающие иллюзию возможности бесконечного продолжения и развития запрограммированных пейзажей. Это ли не основа того, что мы называем ризомой? Скольжение по текстам, сайтам, каналам, вывескам, лицам, судьбам. Не аксиологическое, а онтологическое утверждение нового топоса коммуникативной реальности, - топоса ризомы, необходимо признать.

Библиография:

1. Бретон А., Супо Ф. Магнитные поля.// Антология французского сюрреализма. М.: ГИТИС, 1994.
2. Вдовина Г.В. Проблемы власти, революции, истории во французской философии 70-80-х годов.// Новые тенденции в западной социальной философии. М. 1998.
3. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1999.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-изд. Т.41.
5. Перцев А.В. Молодой Ясперс: рождение экзистенциализма из пены психоанализа. СПб: РХГА, 2012.
6. Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение. М.: Добросвет, 2000.
7. Слотердаик П. Сферы. СПб.: Наука. 2007.
8. Флоренский Павел, священник. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание. М., 1992.
9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
10. Шандыбин С.А. Постмодернистская методология и вопрос о политической ангажированности социального исследования.// Философия и общество, 1998, №2.
11. Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1988.

¹² Перцев А.В. Молодой Ясперс. СПб: РХГА, 2012. С.7

